

А. О. Видничук
**МОСКОВСКИЕ ПОЖАРЫ 1748 ГОДА:
ВЛАСТЬ И ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО***

doi: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-134-142

УДК 94(470-25)“1748”

ББК 63.3(2)51

В статье изучается ситуация, сложившаяся в городском сообществе Москвы вследствие череды пожаров весны–лета 1748 г. В отличие от других московских пожаров рассматриваемый практически не получил освещения в историографии. Однако в фонде Сысского приказа был обнаружен комплекс судебно-следственных дел, демонстрирующий, что среди москвичей в эти месяцы сложилась атмосфера подозрительности и страха. Именно эти ранее не изученные дела и легли в основу настоящего исследования. Цель статьи — показать, как горожане воспользовались обстоятельствами, чтобы урегулировать конфликты внутри сообщества, а также избавиться от чужаков. Как свидетельствуют дела, именно переселенцев, часто иностранцев, обычно обвиняли в поджогах и кражах из пожаров. «Похвальные слова», так или иначе затрагивающие пожары, также были весомым поводом для обвинения. В качестве объяснительной модели поведения горожан автором предлагается использовать социологический термин «моральная паника». Помимо этого, в статье исследуются действия и реакция власти на бедственное положение в Москве. Была создана специальная комиссия под руководством Федора Ивановича Ушакова для поиска «зажигателей». Комиссия принимала и расследовала все подаваемые горожанами челобитные. С одной стороны, это позволило власти предупредить самосуды и направить негативные эмоции обывателей в контролируемое русло. С другой стороны, серьезно относясь к каждому, в том числе заведомо безосновательному обвинению, власть подпитывала панику и сама стимулировала беспочвенные подозрения москвичей.

Ключевые слова: *Москва, пожары, XVIII век, Сысский приказ, моральная паника, поджоги, горожане*

Ровно месяц — с конца мая по конец июня 1748 г. — главный розыскной орган Московской губернии — Сысский приказ¹ работал на пределе своих возможностей. При среднем месячном обороте в 12 дел с 24 мая по 23 июня в него поступило и было рассмотрено 99 дел,² из которых 75 так или иначе касались череды пожаров, случившихся в Москве в конце мая того года.

Бедствие, постигшее москвичей в 1748 г., менее известно и гораздо менее освещено в историографии, чем знаменитый Троицкий пожар, случившийся 29 мая 1737 г. В статье мы сначала рассмотрим, что происходило в городе в мае–июне 1748 г., затем изучим существующие версии обстоятельств этих пожаров и, наконец, попробуем определить, какие социальные процессы и какие проблемы стояли за событиями весны–лета 1748 г. Ситуация, сложившаяся в Москве в это время, проливает свет на механизмы саморегуляции и самоорганизации городского сообщества, а также позволяет рассмотреть модус взаимодействия российской власти и ее подданных в экстремальных обстоятельствах.

Нет точных данных о том, в какой именно день весной 1748 г. произошло первое возгорание и сколько дней бушевал огонь,³ — мы можем ориентироваться лишь на даты челобитных,

¹ О Сысском приказе см.: Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012; Акельев Е. В., Бабкова Г. О. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. Vol. 53, № 1. P. 15–39; Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сысском приказе (1730-е–1750-е гг.) // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2011. № 1 (4). С. 13–26.

² Не считая дел, касающихся внутреннего управления.

³ Первая жалоба в Сысский приказ поступила 24 мая, но в рапортах Московской Полицмейстерской канцелярии в Сенат первый пожар датируется 10 мая, однако череда возгораний, судя по донесениям, начинается только 23 мая, поэтому, скорее всего, хронологические рамки интересующего нас происшествия все-таки находятся в пределах месяца с 23 мая по 23 июня (см.: Рапорты московских чиновников о московских пожарах и допросные листы свидетелей или участников поджогов в Москве и на Украине (1748 г.): к истории русско-французского соперничества // *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* М., 2011. Вып. 20. С. 169–194).

Видничук Анастасия Олеговна — к.и.н., старший преподаватель Школы исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: avidnichuk@hse.ru

которые горожане подавали в Сыскной приказ. Более того, судебно-следственные дела, порожденные этими жалобами, в сущности, единственные документы, позволяющие узнать что-либо о череде пожаров, которые изменили привычное течение жизни, унесли жизни около сотни людей и уничтожили шесть с половиной тысяч построек.⁴

Что послужило причиной многочисленных возгораний в 1748 г., доподлинно не установлено. Возможно, дело было в засушливой погоде, которая, как утверждают исследователи, была характерна для летних месяцев в 1740-е гг.⁵ Об этом косвенно свидетельствуют и данные о многочисленных пожарах, имевших место в других городах России в апреле–августе 1748 г. Помимо этого, если верить рапортам московских чиновников, значимым фактором распространения огня стал сильный ветер.⁶ Однако нет возможности подтвердить эти предположения точными данными, поскольку вести метеорологические наблюдения в Москве начали лишь в 1779 г.⁷

Сами современники объясняли постигшие их несчастья, разумеется, гневом Божиим, а также действиями «злодеев»–«зажигателей» — внутренних или подосланных из других стран врагов. 4 июня 1748 г. был выпущен именной указ императрицы Елизаветы Петровны, в котором высказывалось подозрение, что пожары — дело рук шпионов из-за границы, и давалось указание высматривать и ловить поджигателей, расспрашивая их при этом «о главных заводчиках».⁸ Россия в это время находилась в непростом внешнеполитическом положении: еще шла Война за австрийское наследство, велись поиски союзников, необходимо было лавировать в сложных отношениях с Пруссией и Францией, внутри страны не так давно была раскрыта и пресечена деятельность профранцузской группы во главе с послом де ла Шетарди,⁹ поэтому попытка правительства обвинить в бедствии иностранных шпионов вполне понятна. Несмотря на то что данный указ не вошел в Полное собрание законов, видимо, он все же зачитывался публично, во всяком случае нижеследующие дела демонстрируют полную осведомленность о нем подданных.

14 июня в Сыскной приказ был доставлен беглый солдат Андрей Быков. На допросе он сказал, что направлялся в родное село, когда его настигла многочисленная группа незнакомых людей, «а они ему о себе сказали ж, имеюцца-де из них тритцать человек турки, персияня, поляки и волохи, ...а всего их в заговоре человек со ста. А откомандированы-де они от короля Лещинского в разных партиях, чтоб выжечь Москву, Ярославль и протчия знатныя городы и места без остатку».¹⁰ Однако уже на этапе чтения допроса Быков отказался от своих слов и заявил, что все придумал, «избывая по винам своим... наказания».¹¹

Ровно через две недели в Болховскую воеводскую канцелярию был приведен беглый рекрут Афанасий Коровяков, который сообщил, что со службы бежал в Польшу, там «сшелся он з беглыми великороссийскими рекруты» и затем год жил у местного поляка Федора Будыкина. «И в тож время прислан был к оному Будыкину из местечка Верхополья полской земли от короля Лещинского, а как зо[в]ут, не знает, той земли поляк Иван Софронов для найму беглых из Великороссии, чтоб им итить в великороссийские города для зазжения городов, сел и деревень».¹² Коровяков, по его словам, не только присоединился к отряду наемников-поджигателей, но и стал у них атаманом и на допросе признал свое участие в поджогах. В отличие от упоминавшегося выше Андрея Быкова, Коровяков своих показаний не изменил.

Очевидно, что ситуация, когда пожар, потушенный в одном месте, на следующий день разгорается в другом, и так продолжается неделю за неделей, не могла не вызвать и у обывателей, и у представителей власти мыслей о рукотворном характере пожаров, а следовательно, о существовании заговора, группы злоумышленников. Удивительно в этой истории появление персоны Станислава Лещинского. Конечно, и Быков, и Коровяков могли участвовать в Войне за польское

⁴ Сведения о пожарах, бывших в Москве в 1737 и 1748 годах // Журнал Министерства внутренних дел. 1839. Ч. 31, № 1. С. 5–8 (паг. 3-я).

⁵ Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 199.

⁶ Примечательно, что все чиновники как один использовали формулировку «весьма сильной и ужасной ветр» (см.: Рапорты московских чиновников...).

⁷ Газина Е. А., Клименко В. В. Изменения климата Восточной Европы за последние 250 лет по инструментальным данным // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 3. С. 60.

⁸ Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 1/12. Д. 681. Л. 863–864 (изучено по публикации: Рапорты московских чиновников...).

⁹ Анисимов М. Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война. М., 2021; Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 2005.

¹⁰ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1945. Л. 1об.

¹¹ Там же. Л. 14об.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 1/12. Д. 682. Л. 330–331об. (изучено по публикации: Рапорты московских чиновников...).

наследство 1733–1735 гг., знать о существовании короля Лещинского и считать его врагом, но к 1748 г., насколько известно,¹³ Станислав Лещинский уже около 10 лет являлся герцогом Лотарингии, находился на территории Франции и не вступал ни в какие отношения с Россией и ее подданными. Возможное объяснение происхождения таких историй состоит в том, что на память о последних походах солдат Быкова и Коровякова и о последнем для них внешнем враге наложилась современная ситуация — сложности в отношениях с Францией и Турцией (отсюда упоминание турок и «волохов»), и посыл правительства был истолкован не совсем верно.¹⁴

Казалось бы, логика событий ясна: правительство своим указом фактически само направило подозрения в определенное русло и спровоцировало обвинения в адрес иностранцев. Эту версию можно было бы принять, если бы не дело от 27 мая об «иноземце» Кирилле Лаврентьеве, который нанимал людей для поджога порохового завода и окрестных деревень.¹⁵ То есть уже за несколько дней до публикации указа начинаются обвинения иностранцев. Возможно, именно дело Лаврентьева вызвало у власти подозрения в причастности иностранцев и существовании заговора, и это послужило причиной издания указа от 4 июня.

Среди челобитных, поданных в Сыскной приказ,¹⁶ можно выделить три основные типа: обвинения в поджоге или намерении к поджогу (51 дело), челобитные о кражах с места пожара (19 дел) и о «похвальных словах»¹⁷ (11 дел). Рассмотрим более детально каждый тип разбирательств.

Что касается дел о поджогах, то во многих из них обращает на себя внимание формулировка обвинения: «подозрение в намерении учинить поджог», «виновен в подозрении о пожаре». Такое обоснование привода человека в судебное учреждение интересно и с правовой, и с социальной точек зрения. Российскому праву XVII–XVIII вв. знакома категория «голового умысла» — то есть сам замысел совершить определенные действия считался преступлением и карался, — но встречается эта категория в Соборном Уложении лишь дважды и оба раза в связи с посягательством на власть — в главе II статье 1 и в главе XXII статье 8.¹⁸ В данном же случае мы видим спонтанное, ситуативное и внеправовое использование категории «голового умысла». И тот факт, что горожане внимательно следили за окружающими их людьми и при первом — ничем не подкрепленном — подозрении хватили и вели их в полицию, на наш взгляд, свидетельствует о напряженности и страхе в городском сообществе.

Обвиняли в намерении поджога далеко не всегда именно иностранцев, но, как правило, незнакомцев — чужих в городе или в конкретной его части. Подозрения эти люди вызывали потому, что здесь, в месте пожара, их никто не знал. Например, гессен-касселец Эрнест Сикерман приехал на время в Москву из Петербурга вместе с семьей, в которой служил учителем, шел ночью домой, его задержали и доставили в Полицмейстерскую канцелярию как подозреваемого в намерении совершить поджог.¹⁹ То же самое произошло с купцом из Зарайска Артамоном Пирожниковым, приехавшим в Москву для продажи яиц,²⁰ монастырским крестьянином Никитой Медведевым, пришедшим в город наниматься на струг,²¹ с непонимающим по-русски калмыком Эбелчи,²² грузином Федором Кашецким,²³ ростовчанином Козьмой Васильевым²⁴ и другими. В чрезвычайных обстоятельствах деление людей на своих и чужих обострилось вплоть до полного недоверия к чужим и готовности обвинить их в любых преступлениях лишь на том основании, что они пришлые.

Кстати, обыватели действительно иногда оказывались на месте пожара без какой-либо серьезной причины, из чистого любопытства. Для некоторых очередное возгорание было зрелищем,

¹³ На данный момент не обнаружено источников, свидетельствующих об обратном.

¹⁴ На наш взгляд, говорить о реальном участии в поджогах иностранных «шпионов» нет оснований, поскольку случаев, подобных произошедшим с Быковым и Коровяковым, больше не было, а тщательное расследование данных двух случаев, предпринятое московскими чиновниками под руководством Сената, не дало никаких результатов. Кроме того, в данной статье нас интересует в первую очередь не реальная причина пожаров, а ситуация в московском городском сообществе, сложившаяся из-за этих пожаров.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1/99. Д. 7914. Л. 608–609об. (изучено по публикации: Рапорты московских чиновников...). Также см.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1934.

¹⁶ Как правило, дело начиналось в Московской полицмейстерской канцелярии, а затем передавалось в Сыскной приказ.

¹⁷ Угрозы поджога или пророческие слова о пожарах.

¹⁸ Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 222, 223.

¹⁹ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1876.

²⁰ Там же. Д. 1914.

²¹ Там же. Д. 1873.

²² Там же. Д. 1874.

²³ Там же. Д. 1917.

²⁴ Там же. Д. 1923.

событием, и они признавались, что «ходили в село Черкизово подлинно для смотрения пожару», «услышав от людей, что-де в приселке Гальянове поймали зажигателя, хотели видеть того зажигателя, чего ради к приселку Гальянову и ходили».²⁵

Подозрительность москвичей в эти дни обострилась до крайности. Поводом для обвинения в намерении совершить поджог могло стать одно слово, один взгляд, одно неверное движение. Так, отставной драгун Ростовцев пожаловался на матроса Шапошникова за то, что тот пришел к нему на двор и произнес слово «гореть»;²⁶ Иван Дубровский привел ученика фабрики Крашенинникова в канцелярию за то, что тот остановился напротив двора Дубровского и «смотрел»;²⁷ солдат Егорова и Зверева обвинили в том, что они ехали «мимо села необыкновенно скоро в телеге»;²⁸ наконец, помытчик Васильев оказался в канцелярии за то, что шел мимо дома горожанина Маслова и «пашетнулся».²⁹

При этом есть случаи, когда жалобы обывателей кажутся оправданными, хоть и не имеющими отношения к пожарам. Например, упоминавшийся ученик шелковой фабрики Иван Крашенинников нашел на земле монашеский клобук, белый парик с бородой и камилавку, недолго думая надел это на себя, пришел на двор к незнакомому москвичу и стал осматриваться.³⁰ Такое поведение было бы сочтено странным и подозрительным и в более благоприятных обстоятельствах.

Отдельно можно выделить случаи, когда жертвами обвинений становились душевнобольные люди: их необычное поведение, при других обстоятельствах не привлекавшее бы внимания, в условиях всеобщей подозрительности и нервозности становилось своеобразным триггером.³¹ Готовые мириться с их странностями в спокойное время, горожане в чрезвычайной ситуации переставали быть терпимыми и не готовы были делать исключения в своей подозрительности для кого бы то ни было. Так, например, Меланья Нестерова, которая, по свидетельству ее мужа, уже 15 лет «в ...своём полоуми ходит по разным улицам и подбирает камни»,³² ранее, видимо, воспринималась как часть привычного социального ландшафта, но стоило измениться контексту, и подборка камней на улице перестало выглядеть невинным занятием.³³ В другом случае Иван Иевлев, ученик шелковой фабрики, пошел просить милостыню на Красной площади, где лавочники попросили его убрать камни и кремень с мостовой — он собрал кремень и ушел с ним. У дома Алексея Шереметьева он увидел кадку с водой, перекрестил ее, умылся и попил, «а потом и тот кремень макал в тое воду и, выняв, у имеющагося того двора забор тем кремнем крестил же спроста, для того что он, Иван, находитца в палаумии».³⁴

Итак, людей, не внушавших доверия, задерживали, обыскивали и, как правило, при них находили вещи, потенциально пригодные для поджога: кремень, огниво, тряпицы, веревки, порох. Фактически пригодными могли быть сочтены любые вещи. Например, офицера полицейской команды заинтересовал найденный у купца Пирожникова железный обруч. Купец объяснил, что «означенной обруч дугою подпоясывает на себя для того, что у него, Артамона, высыпаются черевы, а к тому обручу привязаны в трепицах хлопя, для того чтоб не гнело».³⁵ Если же у задержанного ничего не находилось, то можно было и подбросить что-то для убедительности версии. Монетчик Иван Дородный заявил, что шел к себе домой, когда на него набежали какие-то люди, обыскали, избили, сунули ему в руки мочало, камень, кремень, бересту и с этим отвели в канцелярию.³⁶ 70-летней Матрене Архиповой подложили зажженные предметы, а в другом случае пятидесятский соврал про поджог, «убоясь команды своей капитана Макея Иевлева, ибо де он протчих их братью бьет кошками».³⁷

²⁵ Там же. Д. 1890.

²⁶ Там же. Д. 1878.

²⁷ Там же. Д. 1911.

²⁸ Там же. Д. 1942.

²⁹ Там же. Д. 1923.

³⁰ Там же. Д. 1911.

³¹ О восприятии безумия в России XVIII в. см.: Каменский А. Б. Тайные безумцы Российской империи XVIII века. М., 2024.

³² РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1875.

³³ Поскольку камни могли использоваться для получения огня, нахождение их при подозреваемом воспринималось москвичами как неопровержимое доказательство намерения совершить поджог.

³⁴ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1861.

³⁵ Там же. Д. 1914.

³⁶ Там же. Д. 1921.

³⁷ Там же. Д. 1874.

Следующий тип преступлений, связанных с пожарами, — это кража во время пожара. Место совершения было одной из важнейших характеристик кражи в российском праве XVII–XVIII вв. В сущности, определенные обстоятельства или определенное место совершения кражи могли отягчить вину и, следовательно, увеличить наказание. Воровство с места пожара, оперируя современными понятиями, можно было бы назвать кражей при отягчающих обстоятельствах. Русский правовед XIX в. Вл. Вл. Есипов объясняет это тем, что, воруя из пожара, человек «обнаруживает особенную порочность, бессердечность и безучастие к горю ближнего»,³⁸ а также может быть заподозрен в умышленном поджоге.

Москвичи охотно пользовались бедой ближнего и крали все, что оставалось без присмотра: железные и серебряные предметы, одежду, посуду, книги. Если же горожане обнаруживали кого-то с обгоревшими вещами, то сразу подозревали его в краже с места пожара и вели в Сыскной приказ. Подозреваемые при этом оправдывались либо тем, что эти вещи им дали на сбережение хозяева, либо тем, что это их вещи и они просто помогали тушить пожар, а вещи обгорели, либо тем, что они шли, увидели вещь, подняли и как раз хотели объявить о найденном, но в этот момент их схватили. Тем не менее в большинстве случаев подозреваемых все-таки уличали в краже и назначали им наказание. Но несмотря на нормы закона, в изученных нами делах обвиняемым в кражах с места пожара не назначалось более суровых наказаний, чем обычно давалось за простую кражу.

Наконец, третий тип дел, касающихся пожаров 1748 г., — челобитные о «похвальных словах». Очевидно, что в XVIII в., когда большая часть городских строений еще была деревянной, и огонь в считанные минуты передавался от одной постройки к другой, отношение к пожарам и любым их упоминаниям было не просто серьезное: соответствующие угрозы или пророчества вызывали едва ли не панику и среди горожан, и среди чиновников. Соседи и члены семей не спускали друг другу с рук ни слов, брошенных в запале ссоры, ни неудачных шуток, а Сыскной приказ с усердием и дотошностью расследовал такие дела и даже при отсутствии конкретных действий или реальной угрозы со стороны обвиняемого назначал довольно суровые наказания в профилактических целях.

Чаще всего угрозы, связанные с пожаром, произносились в состоянии алкогольного опьянения. Так, недавно погоревший Михаил Егоров сказал знакомым, не пустившим его, пьяного, к себе ночевать, «что и сами по воли божию згорите».³⁹ За такой, казалось бы, несерьезный проступок, в Сыском приказе его велено было бить кнутом и сослать в Оренбург.⁴⁰ А канцеляриста Ивана Малафеева били плетью за слова «я де вас всех погублю и вражек весь выжгу»,⁴¹ хотя даже никто из свидетелей не подтвердил, что слышал их.

Если в среднем в год в Сыскной приказ подавалось до семи жалоб на поджоги, то в 1748 г. их количество достигло рекордного числа 51. Примечательно, что хотя в 1737 г., год знаменитого Троицкого пожара, и наблюдается некоторое увеличение числа такого рода дел, на фоне 1748 г. оно абсолютно незаметно. На это можно возразить, что после пожара 1737 г. была учреждена специальная следственная комиссия при Московской сенатской конторе, которая расследовала причины пожара и оценивала его последствия. Соответственно, дела, касающиеся этого пожара, должны были отложиться именно в фонде комиссии,⁴² и делать выводы о меньшем резонансе событий мая 1737 г. только на основании поданных в Сыскной приказ челобитных нет оснований. Однако при просмотре архивного фонда следственной комиссии 1737 г. становится ясно, что хранящиеся там дела имеют совершенно иной характер: это допросы чиновников разных учреждений и простых горожан о том, кто что видел в день пожара, кто не был на своих постах, ведомости сгоревших и утраченных вещей, описи дел, сохранившихся после пожара, приказы о высылке к допросам и тому подобные документы. Разбирательств, подобных тем, что имели место в 1748 г., с активным участием горожан в качестве субъектов, а не объектов следственного процесса, там не содержится. Возможно, бурная деятельность москвичей по поимке предполагаемых поджигателей в 1748 г. объясняется тем, что в последнем случае имела место именно череда пожаров, а не один большой пожар, как в 1737 г., когда ситуация длительной тревожности, благоприятная для обострения подозрительности в обществе, сложиться не успела.

³⁸ Есипов В. В. Грех и преступление, святотатство и кража. СПб., 1894. С. 168, 169.

³⁹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1887. Л. 5–5об.

⁴⁰ Для сравнения: такое наказание назначалось, например, женщинам, неоднократно уличенным в торговле краденым.

⁴¹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1941. Л. 6.

⁴² РГАДА. Ф. 306. Следственная комиссия о пожаре в Москве 29 мая 1737 г., 1737–1740.

Судя по всему, власти были сильно встревожены ситуацией с пожарами в Москве и достаточно быстро предприняли определенные меры: во-первых, для расследования дел о поджогах при Сыском приказе была создана «Следственная о пожарах комиссия» во главе с генерал-майором и майором гвардии Федором Ивановичем Ушаковым. Во-вторых, для тушения пожаров и «отнимания» дворов горожан от огня были задействованы военные, созданы специальные команды, поставлены караулы на улицах. Сами горожане тоже организовывались, чтобы, во-первых, помочь погорельцам (в делах постоянно звучат слова о том, что соседи, земляки или просто прохожие помогали «отнимать» тот или иной дом от пожара), а во-вторых, чтобы ловить возможных виновников и злоумышленников.

Кроме того, 1 июля Московская гофинтендантская контора направила в следственную комиссию о пожарах промеморию, в которой выразила озабоченность безопасностью «императорского величества домов: Головинского и Лафертовского», перечислила имеющиеся в ее распоряжении инструменты для тушения возможного возгорания⁴³ и потребовала «нарядить от домов живущих по способности к Головинскому дому хотя до пятисот человек с топорами и с ведрами и, росписав оных, поручить афицерам полицейской команды, дабы оные назначенные люди, ежели впрядь случитца где в Москве пожар, чтоб оные немедленно приступили к вышеупоминаемым домам, а не тогда, как уже приблизитца огонь, дабы оными заблаговременно возможно было сделать предосторожность».⁴⁴ Комиссия ответила, что «за произошедшими в мае месяце пожарными разорениями от погорелых мест толикого числа людей собрать не надежно»,⁴⁵ и предложила взять 200 человек из обывателей и 300 «из состоящих здесь, в Москве, для предосторожности от пожарных случаев новоучрежденных баталионов».⁴⁶ Далее последовала оживленная переписка учреждений, каждое из которых стояло на своем, но в конце концов из военных и обывателей была собрана команда в 300 человек.

Известно, что в 1748 г. в Москве находилась императрица Елизавета Петровна с двором, и можно было бы предположить, что повышенная озабоченность правительства ситуацией с пожарами объясняется прямой опасностью для государыни. Но, как установил К. А. Писаренко, Елизавета Петровна прибыла в Москву только в декабре 1748 г.,⁴⁷ когда опасность уже давно миновала.⁴⁸

Пожар 1748 г. упоминается и в словаре Брокгауза и Ефрона в связи с историей Ваньки Каина, и при этом приводится ни на чем не основанная и противоречащая установленным фактам трактовка событий. Причиной пожара в статье называется «скопление огромного числа людей, живших воровством, грабежом, а иногда и убийствами».⁴⁹ Каким образом деятельность преступников, кстати, орудовавших в Москве всегда — и до, и после 1748 г., — спровоцировала массовые возгорания, авторы не уточняют.⁵⁰ Далее утверждается, что «команда Ушакова, предупреждая поджоги, ловила всех подозрительных людей и приводила их не в Сыской приказ, а в комиссию», что опять же не соответствует истине, поскольку, во-первых, комиссия работала при Сыском приказе, используя в основном его ресурсы,⁵¹ и все документы, касающиеся пожара, отложились именно в фонде Сыского приказа. Во-вторых, ловили предполагаемых злоумышленников

⁴³ «Для охранения ея императорского величества домов Головинского и Лафертовского имеютца при Гофинтенданской канторе пожарных инструментов: заливных больших труб с рукавами три да малых ручных труб с рукавами ж пятьдесят, крюков железных восемь, вил железных восемь же и прочия инструменты, яко то: топоры, ушаты, ведры и для содержания воды чаны, и кадок несколько имеетца» (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1974. Л. 1).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1974. Л. 1об.

⁴⁵ Там ж. Л. 7об.

⁴⁶ Там ж. Л. 8.

⁴⁷ Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 76.

⁴⁸ События весны-лета 1748 г. имели несколько последствий. Во-первых, они заставили правительство в очередной раз озаботиться проблемой противопожарной безопасности. 5 августа был выпущен сенатский указ «О сделании особых печей для варения пищи обретающимся в Коллегиях, Канцеляриях и Конторах унтер-офицерам и солдатам, и содержащимся арестантам, поодаль строения, и о предосторожности в самых Коллегиях и Канцеляриях от огня» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). Т. 12. № 9523). Во-вторых, выгорание части строений позволило правительству воспользоваться ситуацией и упорядочить московскую застройку. Уже 2 июля появился именной указ «О строении в Москве на погорелых местах домов по плану, не причиняя никому со стороны Полиции при постройках и отводе мест притеснения и обид» (ПСЗРИ-1. Т. 12. № 9510).

⁴⁹ Ванька-Каин // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890-1907.

⁵⁰ Версия о том, что поджоги устраивались московскими преступниками, не выглядит убедительной. В это время известный вор Иван Каин сотрудничал с Сыским приказом и активно разоблачал своих товарищей. Между тем подозреваемыми в поджогах или пойманными на кражах из пожаров становились, как правило, люди, никак не связанные с преступным миром.

⁵¹ См., напр.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1935; 1936.

не специальные чиновники и не военные, а рядовые горожане. И наконец, авторы статьи ошибочно считают, что именно деятельность следственной комиссии Ушакова вскрыла преступления Ивана Каина.⁵²

Конечно, создание следственной комиссии было нормальным, естественным для власти действием, апробированным в предыдущие случаи крупных пожаров. Но вполне резонно предположить, что помимо официальных целей: расследования причин, поиска виноватых, фиксации последствий, в том числе составления описей утраченных вещей, — у власти имелись и неформальные цели, осознаваемые ею или нет. На наш взгляд, важной интенцией было снижение напряжения среди населения, возникшего из-за пожаров, а также направление негативных эмоций: подозрения, гнева, горя — в контролируемое русло и недопущение самосудов и беспорядков.

Верили ли сами члены комиссии в версию о поджогах или нет, это не мешало им, с одной стороны, браться за расследование каждого обвинения, серьезно относиться ко всем домыслам обывателей, проверять все слова обвиняемых и допрашивать каждого названного ими человека, а с другой — действовать рационально и осознавать, что все же большая часть жалоб порождена паникой и не имеет под собой оснований. Очевидно, что доказать преступные намерения, а не действия, было весьма проблематично. В ситуации наплыва челобитных, основанных к тому же исключительно на подозрениях, применять для доказательства пытки не представлялось комиссии правильным решением. Но и отпускать подозреваемого, никак не подкрепив уверенность в его безобидности, чиновники тоже не могли. Тогда из гражданского судопроизводства был позаимствован следующий способ: у соседей и знакомых подозреваемого спрашивали о его «состоянии». Иными словами, добывались сведения о репутации человека, его характере, на основании чего делалось заключение о его склонности или несклонности совершить поджог. Информации о том, что задержанный «доброго состояния и ни в каких подозрениях и наказаниях не бывал», при отсутствии улик и свидетелей обвинения, как правило, было достаточно, чтоб признать его к поджогу не причастным. В действительности случаи реального наказания за похвальные слова о пожаре, кражи из пожара или тем более причастность к поджогу были единичны. Чаще всего, рассмотрев обнаруженные при предполагаемом поджигателе вещи, комиссия рутинно сообщала, что «все к зажигательному оружию вменить весьма сумнительно».⁵³

Показательно и то, что горожане «позволили» государству таким образом канализировать их эмоции, позитивно восприняли такую форму установления «правды», отказались от идеи самосуда (и, возможно, от собственных представлений о справедливой каре виновников) и отдали инициативу в руки государства, хотя порой и не могли удержаться от избиения виновного, по их мнению, до доставки в Полицмейстерскую канцелярию или Сыскной приказ. Вероятно, это свидетельствует о достаточно высоком уровне доверия к власти среди населения.

Не вызывает сомнения, что ситуация страха и напряженности этих месяцев для отдельных индивидов стала способом решения социальных конфликтов. В частности, у некоторых горожан появлялись мысли о сведении счетов. Так, беглые артиллеристы Насонов и Алпатов показали, что их товарищ Колобов ходил поджигать дом своего бывшего помещика. На очной ставке Насонов и Алпатов признались, что «показывали то на него напрасно, злобствуя»,⁵⁴ что он их подговаривал бежать, обещал кормить, но не сдержал обещания. В процессе допроса с применением пыток выяснилось, что один из доносчиков сам по дороге грозился поджечь двор своего бывшего хозяина. В другом случае отставной солдат Иван Шестаков был пойман с фитилем у порохового завода и на допросе сообщил, что его подговорили крестьянин Андреев и Копейка, обещавшие ему за это 5 рублей.⁵⁵ Из дальнейшего следствия и дальнейших показаний становится понятно, что, скорее всего, Шестаков оговорил обоих крестьян.

На наш взгляд, лучше всего эмоциональное состояние и настроения москвичей весны–лета 1748 г. характеризует социологический термин «моральная паника». Английские социологи Энтони Гидденс и Филип Саттон следующим образом описывают это явление: «Моральная паника разворачивается по типичной схеме. Она начинается в тот момент, когда что-то или кто-то, ка-

⁵² См.: Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира; Он же. «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида» // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 257–304.

⁵³ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1872. Л. 46об.

⁵⁴ Там же. Д. 1943. Л. 22.

⁵⁵ Там же. Д. 1904.

кая-то группа определяется как угроза общепринятым моральным ценностям. Эта угроза преувеличивается и упрощается в массмедиа, повышая чувствительность общественности к тому или иному вопросу и повышая градус общественного беспокойства. Возникают призывы “сделать что-нибудь”. Усиливается давление на властные структуры с требованием, как правило, введения нового законодательства». ⁵⁶ Разумеется, определение разработано для описания ситуаций, происходящих в современности, но это не означает, что социальный феномен в общих его чертах нельзя обнаружить и в прошлом. ⁵⁷ Ключевым моментом в возникновении моральной паники социологи считают существование или появление определенного триггера: события, личности, группы.

Советский историк Е. Звягинцев в единственной специальной работе, посвященной московским пожарам 1748 г., также писал о «взаимной подозрительности и общей растерянности», царивших в это время в городе, и также считал, что ситуация была нагнетена и раздута отчасти искусственно, но группой-триггером он называл представителей «неимущих слоев населения», а основными разжигателями подозрений — дворян. ⁵⁸ Конечно, такая интерпретация находится в русле традиционных для советской историографии представлений, но ее нельзя принять не поэтому, а потому что судебные дела демонстрируют, что жалобы исходили не от дворян, а от обычных горожан. И направлены они были не просто против бедняков, а против пришлых, чужаков, маргиналов, не имевших собственного или хотя бы постоянного жилья в Москве и не закрепленных в каком-либо сообществе.

Представляется, что ситуация весны–лета 1748 г. была отчасти следствием перенаселенности и перенасыщенности Москвы новыми людьми; в ней нашло выход давно накопившееся раздражение старожилов от постоянного присутствия и высокой концентрации чужаков, а также проявилось напряжение между старожилами и переселенцами, не имевшими социального капитала, не включенными в жизнь местного сообщества, не зависевшими от него и в силу этого не особенно поддававшимися социальному контролю с его стороны. ⁵⁹ Именно они в этой истории и сыграли роль козла отпущения. И если в современном социуме распространению моральной паники содействуют в первую очередь СМИ, то в 1748 г. эту роль, как ни парадоксально, невольно взяло на себя само государство, своим повышенным вниманием и деятельным участием поощряя и подпитывая общественную паранойю по поводу поджогов как единственной причины пожаров. Власти оказались в своеобразных ножницах: можно было или взять дело в свои руки, принимать все челобитные и расследовать их, тем самым поощряя горожан подавать новые, но при этом полностью контролировать ситуацию, или не вовлекаться, не поддерживать и не подпитывать истерию, но допустить на какое-то время беспорядки и самосуды. Учитывая характер российской власти XVIII в., очевидно, что перед ней такой выбор не мог встать даже теоретически.

Anastasiya O. Vidnichuk

Candidate of Historical Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Moscow)

E-mail: *avidnichuk@hse.ru*

MOSCOW FIRES OF 1748: AUTHORITIES AND THE CITY COMMUNITY

The article studies the situation that arose in the city community of Moscow because of a series of fires in the spring–summer of 1748. In contrast to other Moscow fires, the one in question has received virtually no coverage in historiography. However, in the fond of the Sysknoi Prikaz (Investigative Chancellery) a set of court cases was discovered, demonstrating that there was an atmosphere of suspicion and fear among Muscovites during those months. These previously unexplored cases form the basis of the study. The article aims to show how Muscovites took advantage of the circumstances to resolve conflicts within the community, as well as to get rid of outsiders. As the

⁵⁶ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 284.

⁵⁷ Примеры использования концепта «моральная паника» в исторических исследованиях см.: Cossins A. Female Criminality. Infanticide, Moral Panics and The Female Body. London, 2015; Moral Panics, the Media and the Law in Early Modern England. London, 2009.

⁵⁸ Звягинцев Е. Огненное запаление Москвы // Борьба классов. 1936. № 2. Февраль. С. 56–67.

⁵⁹ О взаимоотношениях переселенцев и старожилов в городе см.: Hurl-Eamon J. Gender and Petty Violence in London, 1680–1720. Columbus, 2005. Ch. 1.

cases show, these were migrants, often foreigners, who were usually blamed for arson and theft from fires. 'Praise words' involving the fires in one way or another were also a valid reason for accusation. The author proposes to use the sociological term 'moral panic' as an explanatory model of the city dwellers' behavior. In addition, the article explores the actions and reactions of the authorities to the dire situation in Moscow. A special commission under the leadership of Fyodor Ivanovich Ushakov was set up to search for 'incendiaries'. The commission accepted and investigated all the petitions submitted by the citizens. On the one hand, it allowed the authorities to prevent lynching and direct the negative emotions of ordinary people in a controlled direction. On the other hand, by taking seriously every accusation, including those known to be groundless, the authorities fueled panic and stimulated baseless suspicions of Muscovites.

Keywords: *Moscow, fires, 18th century, Investigative Chancellery, moral panic, arsons, city dwellers*

REFERENCES

- Akel'ev E. V. ["Thief-Turned-Sleuth" Vanka Kain: The Anatomy of a "Hybrid"]. *Ab Imperio*, 2018, no. 3, pp. 257–304. (in Russ.).
- Akel'ev E. V. *Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskovy vo vremena Van'ki Kaina* [Everyday Life of Moscow's Criminal World in the Time of Vanka Kain]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2012. (in Russ.).
- Akel'ev E. V., Babkova G. O. ["So that Criminal Investigations and Torture Be Properly Conducted, as Prescribed by Law". Evolution in the Theory and Practice of Criminal Investigations in Russia during the First Half of the 18th Century]. *Cahiers du Monde Russe*, 2012, vol. 53, no. 1, pp. 15–39. (in Russ.).
- Akel'ev E. V., Babkova G. O. [The Practice of Investigation Process in the Criminal Investigation Department (1730s–1750s)]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyy rakurs* [Historical and Legal Problems: A New Perspective], 2011, no. 4 (1), pp. 13–26. (in Russ.).
- Anisimov E. V. *Elizaveta Petrovna* [Elizaveta Petrovna]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2005. (in Russ.).
- Anisimov M. Yu. *Rossiyskaya diplomatiya i Semiletnyaya voyna* [Russian Diplomacy and the Seven Years' War]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond "Mir" Publ., 2021. (in Russ.).
- Borisenkov E. P., Pasetskiy V. M. *Tysyacheletnyaya letopis' neobychnykh yavleniy prirody* [A Thousand-Year Chronicle of Unusual Natural Phenomena]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. (in Russ.).
- Cossins A. *Female Criminality. Infanticide, Moral Panics and The Female Body*. London: Palgrave Macmillan, 2015. (in English).
- Gazina E. A., Klimenko V. V. [Climate Changes in East Europe during the Last 250 Years According to the Instrumentally Obtained Data]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], 2008, no. 3, pp. 60–66. (in Russ.).
- Giddens E., Satton F. *Osnovnye poniatiya v sotsiologii* [Essential Concepts in Sociology]. Moscow: ID VShE Publ., 2018. (in Russ.).
- Hurl-Eamon J. *Gender and Petty Violence in London, 1680–1720*. Columbus: Ohio State University Press, 2005. (in English).
- Kamenskiy A. B. *Taynye bezumtsy Rossiyskoy imperii XVIII veka* [The Secret Madmen of 18th Century Russian Empire]. Moscow: NLO Publ., 2024. (in Russ.).
- Man'kov A. G. *Ulozhenie 1649 goda. Kodeks feodal'nogo prava Rossii* [Sobornoye Ulozheniye of 1649. The Code of Feudal Law of Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. (in Russ.).
- Moral Panics, the Media and the Law in Early Modern England*. London: Palgrave Macmillan, 2009. (in English).
- Pisarenko K. A. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo dvora v tsarstvoovanie Elizavety Petrovny* [Everyday Life at the Russian Court during the Reign of Elizaveta Petrovna]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003. (in Russ.).
- Zvyagintsev E. [The Burning of Moscow]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle], 1936, no. 2, pp. 56–67. (in Russ.).

Для цитирования: Видничук А. О. Московские пожары 1748 года: власть и городское сообщество // Уральский исторический вестник. 2026. №1 (90). С. 134–142. DOI: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-134-142.

For citation: Vidnichuk A. O. Moscow Fires of 1748: Authorities and the City Community // Ural Historical Journal, 2026, no. 1 (90), pp. 124–142. DOI: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-134-142.